

Не в самое благоприятное время для государыни императрицы Екатерины 2 (она находилась в дурном расположении духа) принесли бумагу для рассмотрения, но рассмотрела документ благосклонно: **«Подполковнику Александру Ивановичу Толстому, имеющему наследовать заповедное имение дядей его, графов Ивана и Федора Остерман, принять их титул и фамилию и именоваться впредь графом Остерман-Толстым с тем, чтобы фамилия эта и графский титул переходили лишь к старшему в роде его из потомков»** 27 октября 1796 года императрица начертала **«Быть по сему!»**

«Когда я приехал с ним в 1818 году в его Сапожковское имение, седло Красное, он куда-то пошел с священником и запретил мне сопровождать его. Впоследствии я узнал от того же священника, что он зарыл руку в фамильном склепе своих дядей, графов Остерманов, в ногах у гробниц их, как *дань благодарности за их благодеяния и свидетельство, что он не уронил наследованного от них имени*».

И.И. Лажечников. Очерки-воспоминания.-М.,1989 . с.464

В московском дома Федора Андреевича Остермана в Малом Трехсвятительском переулке с 1822 года проживали (помимо хозяев) родственники его жены Анны Васильевны. Мать Федора Тютчева, Екатерина Львовна, была ее племянницей и воспитанницей. Здесь прошли детские годы будущего поэта, родилась его сестра Дарья. Федора Остермана Екатерина Львовна почитала как отца, есть даже предположение, что своего сына она назвала в честь Федора Андреевича. Единственный живописный портрет графа Ф.А. Остермана хранится сегодня в музее-усадьбе Ф.И. Тютчева в Муранове.

Есть свидетельства, что именно Тютчев познакомил Графа А.И. Остермана-Толстого с некой итальянкой. От нее граф имел детей, которых в браке с княжной Елизаветой Алексеевной Голицыной у него не было. В музее-усадьбе Ф.И. Тютчева в Муранове хранится гравюра, сделанная в Пизе в 1827 году, на которой Остерман-Толстой изображен с двумя мальчиками лет 4-5 и младенцем в люльке. «...В Пизе или Флоренции он страстно полюбил красавицу-итальянку. Детей он также нежно любил... Боясь со временем, на старости лет, сделаться ревнивым, он пожертвовал ее спокойствию своею горячею к ней привязанностью и выдал ее богатым приданым за молодого, красивого соотечественника ее. Детям он дал хорошее воспитание и обеспечил их будущность». И.И. Лажечников Указ. соч. – С. 474

В чине поручика воевал под знаменами Суворова при взятии Измаила в 1790 г. Ушаков С.И., составитель биографий русских военачальников : **«Во всех сих делах отличился он своим мужеством и благородным жаром к военному искусству»**

. Как только началась Отечественная война 1812 года, Остерман-Толстой подал прошение о своем зачислении в армию. 1 июля он получил в командование 4-й пехотный корпус, входящий в состав 1-й Западной армии М. Б. Барклая-де-Толли. Первое серьезное сражение русские войска дали 13 июля под деревней Островно, защищая подходы к Витебску. Корпус Остермана в буквальном смысле слова стоял насмерть. Несколько часов кавалерийские части неприятеля безуспешно атаковали его пехотные каре.

Когда в один из напряженных моментов боя Остерману донесли, что войска несут все возрастающие потери, и спросили, каковы будут его распоряжения, он ответил: **"Стоять и умирать"** [4]. Это изречение принесло ему тогда заслуженную известность как непоколебимого и стойкого воина.

В день знаменитой Бородинской битвы 26 августа корпус Остермана-Толстого стоял на самом ответственном участке между батареей Раевского и Багратионовыми флешами, где решалась судьба сражения. Сильно контуженный в самом разгаре боя, Александр Иванович должен был покинуть поле битвы, но через несколько дней он снова вернулся в строй. Барклай-де-Толли в наградном списке так охарактеризовал действия отважного генерала: **"С большою быстротою и деятельностью с вверенным ему 4-м корпусом поспешил на подкрепление 2-й армии и, найдя сию несколько уже расстроенной, остановил... стремящегося против его корпуса неприятеля и примером своим ободрял подчиненных себе войска, так что ни жестокий перекрестный огонь неприятельской артиллерии, ни нападения неприятельской конницы не могли их поколебать, и удержал место свое до окончания сражения"**. За героизм в Бородинском сражении награжден орденом св. Александра Невского

На военном совете в Филях, А. И. Остерман-Толстой вместе с Барклаем-де-Толли, Раевским, Дохтуровым и Толем высказался за оставление Москвы без боя в целях сохранения армии.

И. Лажечников приводит воспоминания адъютантов Остермана-Толстого: "Раненого (рука держалась еще на плечевом суставе; надо было отделить ее) отнесли с места сражения на более безопасное; приехал король прусский и, увидав его окровавленного, в бесчувственном положении, заплакал над ним. Лишь только он пришел в себя, первою его мыслью, первым словом был государь, **которого он любил до обожания**.

— Est-ce vous, sire? — спросил он короля, — Empereur mon maître? <Это вы, ваше величество? Мой господин император в безопасности? (фр.)> Царь также с большим почитанием относился к своему полководцу.

И. Лажечников: Его скоро окружили врачи из разных полков. Он остановил свой взор на одном из них, еще очень молодом человеке, недавно поступившем на службу (это был Кучковский), подозвал его к себе и сказал ему твердым голосом: **"Твоя физиономия мне нравится, отрезывай мне руку"**. Во время операции он приказал солдатам петь *русскую* песню. Этот рассказ передан мне адъютантами его (кажется, только двое и уцелели), бывшими при нем в Кульмском деле". За победу в кульмской операции генерал Остерман-Толстой награжден орденом Георгия 2 ст. и получил звание генерал-адъютанта

В Государственном Историческом музее хранится кубок, поднесенный **"храброму Остерману от чешских женщин в память о Кульме 17 августа 1813 года"**, и мундир, в котором был Остерман-Толстой в момент ранения. У поэта В. А. Жуковского есть строки: **"Хвала, наш Остерман-герой, в час битвы ратник смелый"**. П. А. Вяземский характеризовал его как человека прямодушного, откровенного, благородного. **"Рыцарское бесстрашие в сражении, отвага, когда она была нужна, и неодолимая стойкость... были отличительными принадлежностями воинских способностей его"**. Портрет Остермана-Толстого работы Дж. Доу находится в галерее 1812 года в Эрмитаже.

11. Подвиг Остермана-Толстого при Кульме был отмечен орденом св. Георгия II-й степени. Кроме этого, в 1812—1813 годах Александр Иванович получил орден св. Александра Невского (за Бородино), алмазные знаки к этому ордену (за Бауцен), орден св. Владимира I-й степени, орден Прусского Красного Орла и **Большой прусский Железный крест**.

Последняя награда за всю свою историю вручалась только семь раз. Среди кавалеров не было даже Веллингтона, но был один русский генерал — граф А. И. Остерман-Толстой.

По свидетельству современников, граф А. И. Остерман-Толстой был "высокого роста, худощав; смуглое лицо его освещалось выразительными глазами и добродушием, которое пробивалось сквозь его наружную холодность и даже суровость. Отсутствие руки придавало его внешнему виду еще большее благородство и величавость"

Как командир корпуса, он особенно заботился о нижних чинах, "во время военных действий никогда не входил в свою палатку, прежде чем не убеждался, что солдаты накормлены и устроены настолько хорошо, насколько позволяли обстоятельства"

Как начальник войска, он был строг, но строгость его заключалась только во взгляде, в двух, трех молниеносных словах, которых больше боялись, нежели распекаянья иного начальника. Во все время командования им корпусом он никого из офицеров не сделал несчастным, хотя и были случаи *карать*. Всем, кто имел надобность в его покровительстве, не отказывал в нем; **если кому помогал, то делал это широкою рукой и вообще был щедр**. Все у него было грандиозно: и дом в Петербурге, и прием императрицы Елисаветы Алексеевны в подмосковной, Ильинском, и петербургские вечера его, которые удостаивали своим присутствием некоторые члены императорской фамилии. **Мелочным интриганом никогда не был, кривыми путями не ходил и не любил тех, кто по ним ходит; никогда не выставлял своих заслуг и ничего не домогался для себя, лести терпеть не мог**. Для стрел, откуда бы ни шли, смело выставлял грудь свою. **О пище и здоровье солдат заботился, как отец**. Когда стояли войска в лагере, он почти каждый день обходил их во время трапезы, всегда пробовал солдатскую пищу, и горе начальнику, у которого в полку находил ее скудную или нездоровую! [...] Против суровостей русских непогод граф, казалось, закалил себя; нередко в одном мундире, в сильные морозы, делал смотр полкам. **Это была железная натура и телом, и душою**. В пище он был чрезвычайно умерен; за столом только изредка бокал шампанского.

Изысканных блюд, особенно пирожных, не терпел. Любил крутую гречневую кашу до того, что, живя в Италии, выписывал по почте крупу из России. [...] Граф Александр Иванович получил прекрасное образование, знал отлично французский и немецкий языки и... учился греческому. [...] **Типическая, южная физиономия его, стойкими, античными очертаниями лица, с черными, выразительными глазами под черными бровями, была замечательна"**

В апреле 1857 г. в «Journal de Genève» появился очерк, посвященный Остерману-Толстому. Помимо биографических сведений здесь говорится о нескольких предсмертных днях и описаны похороны графа: *«В начале февраля он очень тяжело заболел. Надеялись, что сильное сложение его перенесет болезнь, но скоро проявились симптомы угрожающего свойства. Три дня спустя он скончался на руках дочери и зятя, окруженный внуками. [...] 14 февраля 1857 г. в то время как на церковной башне Пти-Саконне колокол бил два часа пополудни, в ворота скромного местного кладбища въехала траурная колесница с гробом, украшенным двумя лавровыми венками. Гробу предшествовали священник Русской церкви с двумя церковнослужителями; раздавалось тихое надгробное пение, и курился кадильный фимиам. За гробом шли все русские высшего круга, проживавшие в Женеве, несколько друзей покойного и его семья, а также почти все жители местечка, привлеченные необыкновенным для них зрелищем. Присутствующие были проникнуты чувством глубокого благоговения и какой-то таинственности: то были похороны человека необыкновенного, одного из славных воинов*

нашей эпохи, храброго солдата, который проливал кровь, защищая Отечество и которому пришлось окончить жизнь далеко от родины, на чужбине».

Внук поэта Федора Тютчева, Николай Иванович, оставил записку, относящуюся к 1920-м гг., в которой говорится: «...В Женеве в настоящее время живут внуки и правнуки Остермана-Толстого. Дело в том, что Остерман-Толстой, живя за границей, был в связи с итальянкой, графиней Лепри, от которой имел трех детей: сына и двух дочерей. После смерти своей жены он вступил в брак с графиней Лепри, но этот брак не был признан в России, так как был совершен по католическому обряду, т. о. дети его и Лепри оказались, по тогдашним русским законам, внебрачными, почему и получили фамилию Остерфельд. Сын Остермана-Толстого, Николай Остерфельд, умер в юности, а из двух дочерей — одна вышла замуж за женевского гражданина де Бюде (*de Budé*), а другая — за женевского гражданина де Шандо (*de Chandeau*). Дети их и внуки живут в Женеве и других местах Швейцарии»

30 мая Шарлю де Бюде выдается разрешение «приступить к эксгумации гроба, содержащего тело г-на генерала графа Остермана-Толстого. Г-н де Бюде, имея все необходимые документы, произведет транспортировку указанного гроба в Россию, в **Рязанскую губернию**».

В тот же день могила была вскрыта. Протокол гласил: «Год тысяча восемьсот пятьдесят седьмой, тридцатое мая, восемь часов утра. Вследствие передачи полномочий господина директора Центральной полиции, в соответствии с разрешением, выданным сего дня господином мэром коммуны Пти-Саконне господину Шарлю Виктору Родольфу де Бюде для производства эксгумации тела господина графа Остермана-Толстого, родившегося в Санкт-Петербурге в 1772, умершего в вышеназванном Пти-Саконне 11 февраля сего года, похороненного 14 указанного месяца на кладбище означенной Коммуны, мы, Франсуа Димье, комиссар полиции второго округа Женевской республики и кантонов, в сопровождении судебного исполнителя Дешеврена и господ докторов Майора и Пелисье, прибыли на кладбище Пти-Саконне, где по прибытии встретили господ Исаака Бланишара и Жана Жойе, могильщиков означенного кладбища, кои, уведомленные о цели нашего приезда, заявили нам, что тело графа Остермана-Толстого покоится в могиле № 421, в восточной части кладбища. Приступив по нашему указанию к эксгумации тела, покоящегося в указанной могиле, господ Бланишар и Жойе подняли с глубины шести футов ниже уровня почвы дубовый гроб, с крышкой, запертой на задвижки. Они поклялись в присутствии господ Шарля Виктора Родольфа де Бюде — помещика, Жана Огюста Вайсса-Хааса — учредителя, Афанасия Петрова — священника дипломатической миссии России в Швейцарии и Гийома Прево Кайла, что в гробе действительно покоится тело вышеназванного графа Остермана-Толстого. Гроб был осмотрен господами, нас сопровождавшими, и после заверения, что от него не исходит никаких вредных испарений, мы его опечатали сургучом и вручили господину де Бюде для дальнейшей, согласно его прошения и обещания, транспортировки с покоящимся в нем телом **в Рязанскую губернию в Россию**».

По окончании процедуры Шарль де Бюде в присутствии мэра Пти-Саконне вручил учредителю Жану Огюсту Вайсс-Хаасу и бывшему камердинеру Остермана-Толстого Пьеру Мари Гавару мандат «на сопровождение гроба до Варшавы и передачи оногo его

сиятельству князю Александру Голицыну [1] для дальнейшей транспортировки гроба в российский город Рязань».

Его смерть в 1857 г. мало, что изменила в политике замалчивания. Перевозка тела оставалась в поле зрения только дипломатов и родственников. Из последних Валериан Михайлович Голицын, сосланный по делу декабристов, за год до смерти графа был реабилитирован по указу нового императора Александра II. Племянник Остермана-Толстого стал заниматься наследством и вступил в переписку с зятем графа Шарлем де Бюде. В письме от 24 июля 1957 г., направленном из Москвы в Женеву, Голицын извиняется перед де Бюде: «...Сегодня, по прибытии в этот город [речь идет о Москве] имел честь получить Ваше письмо от 12 июля, и спешу Вам объяснить причину задержки с ответом. Был постоянно занят хлопотами в связи с прибытием тела дядюшки и оформлением наследства». Интересно, что стоит за словами «занят хлопотами в связи с прибытием тела дядюшки»? И откуда Валериан Михайлович приехал в Москву? Неужели из имения в Красном?

Только в одной книге, изданной в 1900 г., где-то в постраничном примечании в связи с захоронением руки Остермана-Толстого, мы можем прочесть, что после смерти Александра Ивановича его рука **«положена с ним в могилу в церкви того же села»**